

Сюй Пэй был уверен, что умер.

Лаборатория взорвалась, пламя взметнулось к небу. Прондираясь сквозь густой, удушливый дым, он кое-как добрался до аварийной лестницы и кубарем скатился вниз.

Дальше случилось то, что не поддавалось никакой логике.

Он очутился на людной площади, вокруг кричали люди. Небо полосовали молнии, со всех сторон выл ветер, редкие капли дождя больно хлестали по лицу. Этот лавинный поток ощущений напрочь перемякнул ему мозг.

Первой в голове оформилась мысль: «Наверное, это загробный мир».

Женщина на сцене в костюме цвета фуксии казалась местной чиновницей потустороннего мира, той, что решает, кого отправить в рай, а кого в ад.

Но эта версия рассеялась так же быстро, как появилась: на растяжках вокруг были написаны не законы мёртвых, а предвыборные лозунги кандидатов в мэры. И спорила толпа не о Страшном суде, а о безопасности на улицах и уровне преступности в городе.

Стоило мозгу Сюй Пэя начать подстраиваться под эту странную реальность, как все вокруг разом завопили и присели, закрывая головы руками. И его только что скроенный взгляд на происходящее тут же развалился в клочья.

Что они делают?

Нужно больше данных.

Повернув кольцо на мизинце, Сюй Пэй убавил мощность подавителя запаха. Сразу же в нос ударила целая гамма ароматов: дождь, влажная земля, трава, тяжёлый, успокаивающий дух природы. Но этот умиротворяющий фон был не тем, что он искал.

Полностью отключив подавитель, он позволил запахам хлынуть в полную силу. Резче проступили горячие хот-доги, выхлопные газы, злобный дух канализации из люков... В его сознании разворачивалась яркая карта города, нарисованная одними запахами. Но одного на ней не было: единственного запаха, который другие люди в подобной ситуации неизбежно источали. Запаха феромонов, запаха их эмоций.

Что за чертовщина?

Порыв ветра ударил ему в лицо, и принесённый им незнакомый, едва уловимый оттенок Сюй Пэй встречал всего пару раз в жизни.

Порох.

В городе, где огнестрельное оружие было под строгим запретом, Сюй Пэю крайне редко доводилось сталкиваться с ним. Так что он на долю секунды запоздал с пониманием происходящего и с тем, почему все вокруг бросились наутёк.

Инстинктивно он повернулся туда, откуда дул ветер, но увидел лишь густую стену деревьев и офисные башни вдали. В следующую секунду ветер переменился, и сквозь хаос прорезался свежий, чистый аромат ягод можжевельника.

Он обернулся. Позади стоял красивый альфа.

То, что перед ним альфа, Сюй Пэй определил почти мгновенно, отчасти, честно говоря, по стереотипу: беты и омеги нечасто дотягивали до метра девяносто. А почему в голове всплыло слово «красивый», было ясно и без лица, до которого он толком ещё не успел присмотреться. Поверх безупречно выглаженной белой рубашки на нём был кобурный ремень-портупея, совершенно нечестно подчёркивающий рельеф груди. Зрелище, мягко говоря, не из тех, что Сюй Пэю доводилось видеть каждый день.

И всё же что-то было не так.

Сюй Пэй по-прежнему не мог уловить от него ни малейшего запаха: ни феромонов, ни тонких эмоциональных оттенков. Даже подавителем запаха аромат так подчистую не вырежешь; он всё равно уловил бы хотя бы одно: альфа это или нет.

Может, у него повреждены железы?

По-хорошему, Сюй Пэй должен был в первую очередь задуматься о том, почему этот тип идёт прямо к нему, когда все остальные бегут прочь. Но мозг, по-прежнему барахливший от перегрузки и отсутствия привычных переменных запаха, скакал с мысли на мысль, как сошедший с рельс поезд.

И в итоге посреди этого бедлама Сюй Пэй, сам не понимая как, угодил под арест.

Хотя вообще-то объектом сексуальных домогательств⁴ был именно он.

□

В комнате для допросов в полицейском участке яркий свет под потолком болезненно резал глаза Сюй Пэю. Но моральная усталость затмевала любые физические ощущения. Часами тянувшаяся безостановочная пальба вопросами превратилась в персональную пытку, а с момента ареста на него обрушился такой каскад необъяснимых событий, что измотанный мозг упорно отказывался выключаться.

Никто тут не слышал ни о Нучэне, одном из самых процветающих мегаполисов его страны, ни о Национальном исследовательском институте, где он работал. Все предметы вокруг, от машин и логотипов брендов до дорожных указателей, казались чужими: дизайн был слегка, но ощутимо другим, чем в его мире.

И главное, ни от кого не пахло феромонами, и ни на ком не было ни подавителей, ни блокаторов. В какой-то момент отчаяния Сюй Пэй даже позволил своим высококлассным омега-феромонам вырваться наружу прямо в общественном месте, что по меркам его мира было всё равно что выбежать на улицу голышом, но никто даже не обернулся. А самым необъяснимым оставалось другое: ещё мгновение назад он был в лаборатории, моргнул и уже стоит в этом странном, незнакомом городе.

В голове постепенно складывалась теория, абсурдная, но пугающе логичная.

Часы на стене показывали одиннадцать вечера. Тот самый «импотентный альфа» (ладно, не совсем корректное определение для мира без феромонов) и не думал его отпускать.

В этот момент дверь комнаты для допросов распахнулась:

— Сэр Хэ, в базе его нет. По отпечаткам тоже совпадений ноль.

Услышав это, Сюй Пэй окончательно утвердился в догадке. Он, должно быть, провалился в другой мир.

Мир, до странного похожий на его собственный, только без пахучих желез.

Если честно, по сравнению с вариантом «я умер» такой исход выглядел куда приемлемее.

— Как вас на самом деле зовут? — Хэ Исюнь вперил в него взгляд, всем видом излучая классическое: «Я могу задавать эти вопросы всю ночь, пока не заговорите».

Сюй Пэя уже смертельно утомил этот допрос. Одни и те же вопросы по кругу, как сломанная запись. Но теперь, когда он хоть как-то осознал, что случилось, он понимал: обычной логикой это не объяснишь. Он вздохнул:

— Принесите кофе, и я расскажу.

— Тебе ещё кофе подавай?! — человек, вносящий показания в протокол, выглядел готовым его придушить. — Просто признайся уже!

Хэ Исюнь, однако, уловил изменение в его тоне. Какое-то время он молча всматривался в Сюй Пэя, потом, повернувшись к одностороннему стеклу, сказал:

— Принесите ему кофе.

— Только не растворимый. И без сахара, — добавил Сюй Пэй. — Спасибо.

Взгляд Хэ Исюня вновь вернулся к нему, но возражать он не стал.

Вскоре принесли горячий кофе. Сюй Пэй сделал глоток. На вкус он был довольно неплох, очень похож на тот, что он пил обычно. Мысль сама собой потянулась дальше: если домой вернуться не получится, к этому миру, пожалуй, можно будет приспособиться.

— Ну что, поговорим? — подтолкнул его Хэ Исюнь.

Сюй Пэй неторопливо отпил ещё глоток, поставил чашку и решил сначала дать немного контекста, прежде чем выложить всю эту безумную правду:

— Тут у вас внизу я видел ваш плакат.

«Хэ Исюнь, самый молодой старший суперинтендант в истории Бинши, собственноручно снизивший уровень преступности и заслуживший прозвище “Гроза преступного мира”».

Надо признать, в жизни Хэ Исюнь выглядел даже лучше, чем на отфотошопленном постере: черты лица резче, густые брови обрамляли глубокий, тяжёлый взгляд.

— Наверняка у вас за плечами немало дел, и странных в том числе, — продолжил Сюй Пэй. — Так что порог терпимости к сумасшедшим историям у вас должен быть выше среднего.

— Допустим. И? — отозвался Хэ Исюнь.

— Теперь я понимаю, почему на ваших камерах я буквально появляюсь из ниоткуда и почему ваши базы не находят на меня ни одного совпадения, — сказал Сюй Пэй, набрав воздуха. — Потому что я попал сюда из другого мира.

Хэ Исюнь на секунду застыл. Потом повернулся к стеклу:

— Заберите у него кофе.

Сюй Пэй:

— ...

— Последний шанс, — Хэ Исюнь скрестил руки на груди, терпение у него явно подходило к концу. — Как вы узнали позицию снайпера?

— Я же говорил: почувствовал запах пороха, — в который уже раз повторил Сюй Пэй, на этот

раз гораздо спокойнее. Он даже постарался встать на их место: будь он полицейским в этом мире, вряд ли бы тоже так просто отпустил такого подозрительного типа.

— До того здания от Центральной площади по прямой восемьсот пятьдесят четыре метра. Вы хотите сказать, что учуяли порох с такого расстояния?

— Ветер разносит запах, — пожал плечами Сюй Пэй. — У нас люди в принципе очень чувствительны к запахам, а у меня нюх острее, чем у большинства.

Чем дальше Хэ Исюнь слушал, тем бредовее всё это звучало.

За всю карьеру Хэ Исюню ещё не попадался подозреваемый⁷ настолько неудобный. Вся его история сплошь состояла из противоречий, а на допросах он не давал ничего по-настоящему полезного.

Сюй Пэй, мужчина, тридцать лет, самый молодой профессор в Национальном исследовательском институте, специалист по восстановлению и модификации желез. Свой замызганный вид объяснял взрывом в лаборатории, а внезапное появление здесь неким межмировым перемещением... Что за чушь, прости господи?

Выглядел он скорее как давний пациент психиатрической клиники, но Хэ Исюнь уже проверил все больницы Бинши, и ни одного похожего пациента там не числилось. Можно было ещё предположить, что его привезли из другого города, но и это никак не объясняло тот факт, что он буквально возник посреди площади.

Если у него действительно тяжёлое расстройство, как он вообще сумел так вовлечься в нападение?

Поэтому Хэ Исюнь всё ещё склонялся к версии, что этот человек просто сочинил себе нарочито неправдоподобную легенду. А вот насчёт мотива и причины, по которой тот не попытался скрыться с места преступления... Тут, помимо желания подразнить полицию, в голову ничего не приходило.

— Говорите, у вас острый нюх, — Хэ Исюнь резко поднялся.

— Да. Но, возможно, для таких, как вы...

— Пойдёмте, — перебил он.

Он схватил Сюй Пэя за руку и потащил в общий зал, где кипела послестрелковая суэта. В обычную ночь в отделении дежурили бы всего несколько человек, но сейчас кто-то допрашивал свидетелей, кто-то гонял по кабинетам подозрительных типов. Кабинет гудел, как растревоженный улей.

— Раз уж у вас такой тонкий нос, — бросил вызов Хэ Исюнь, — скажите, что вы здесь чувствуете.

Что ж. Сюй Пэй этого вполне ожидал. Ему не особенно нравилась эта хаотичная обстановка, но, возможно, это был единственный способ доказать, что он не врёт. Когда подавитель запаха работал на полную мощность, у Сюй Пэя оставался только базовый уровень обоняния, достаточный, чтобы нормально жить. В его мире по одним только феромонам можно было безошибочно определить вторичный пол, эмоциональное состояние и даже сексуальный контекст, если человек ходил без подавителя. Даже этот «базовый» уровень обоняния Сюй Пэя превосходил обычного человека, но тончайшие запахи он улавливал лишь при полностью отключённом подавителе.

Он выключил подавитель.

В отличие от открытой площади, здесь, в тесном помещении, после отключения подавителя на него обрушился такой концентрированный, удушливый коктейль запахов, что его чуть не вывернуло. Скривившись, зажав нос и терпя сильнейший дискомфорт, он глянул на полицейского слева:

— Он только что съел бургер с жареной курицей.

Хэ Исюнь скосил взгляд на мусорное ведро и не удивился:

— Это любой бы понял.

Сюй Пэй указал на сотрудника в дальнем углу:

— У него минимум две большие собаки.

Хэ Исюнь, пользуясь ростом, вытянул шею и разглядел фотографию на его столе:

— Это лишь доказывает, что у вас хорошее зрение, — буркнул он, хотя сам не мог толком разглядеть, что там изображено.

Сюй Пэй повернулся к другому офицеру справа:

— У того диабет.

Кто-то неподалёку искренне поразился и пробормотал себе под нос:

— Откуда он знает?!

— Наверное, увидел инсулиновую ручку, — тут же нашёл объяснение Хэ Исюнь. Учитывая, что подозреваемый запомнил даже щиток объявлений у входа в участок, было очевидно: он крайне наблюдателен.

Теперь Сюй Пэй обратил внимание на самого Хэ Исюня.

Он повернулся к нему лицом, постарался отфильтровать шум и отвлекающие запахи и медленно, глубоко вдохнул. К счастью, свежий аромат можжевельных ягод прорезал общий смрад и не дал ему окончательно потерять сознание.

— Вы принимаете душ по утрам, — начал Сюй Пэй. — Гель для душа с лаймом. Сейчас запах еле заметен, его забивает ваш одеколон. Шампунь пахнет белым чаем, но после того, как вы попали под дождь, запах стал, мягко говоря, не слишком приятным. Ещё где-то рядом была ароматическая свеча с лавандой, возможно, в комнате отдыха?

Это была комната психологической разгрузки в отделении. Хэ Исюнь и правда был там сегодня днём, и там жгли расслабляющую лавандовую свечу.

Ситуация резко усложнилась: большая часть перечисленного им поддавалась проверке и оказывалась точной. Спорить можно было лишь с одним.

— Я не пользуюсь одеколоном, — сказал Хэ Исюнь.

— Значит, подхватили запах где-то ещё, — не споря, ответил Сюй Пэй. — От вас пахнет дымом, но вы не курите. Пальцы слишком чистые. Недавно пили кофе, без молока и сахара. Кофе очень крепкий, так что я бы поставил на двойной эспрессо.

Офицеры вокруг переглянулись, поражённые. Хэ Исюнь действительно не курил и действительно любил двойной эспрессо. Учитывая, что с момента, как подозреваемого привели в участок, его держали запертым в комнате для допросов, угадать это было невозможно. Значит, это не случайность.

— Вы очень чистоплотный. От вас вообще нет запаха пота, — безжалостно добавил Сюй Пэй. — В отличие от большинства в этой комнате. Многие тут не принимали душ уже несколько дней и не моют руки после туалета.

Несколько полицейских тут же отвели глаза. Кто-то неловко покашлял.

— От вас не тянет ни пудрой, ни кремом для тела, ни маслом для волос. Это значит... — Сюй Пэй на секунду задумался и продолжил: — Либо ваш партнёр очень неброский человек и не любит прихорашиваться. Либо у вас вообще никого нет. Вы один.

Запах можжевельника, которым был пропитан Хэ Исюнь, был слишком характерным, чтобы быть случайным. В какой-то момент Сюй Пэй даже предположил, что это аромат духов партнёра, но тогда не сходился остальной образ. Кто регулярно пользуется парфюмом, тот обычно уделяет внимание и остальному.

— Да у него вообще никого нет! — один из офицеров уже напрочь забыл о серьёзности момента и воспринимал всё происходящее как шоу. — Скоро, мне кажется, мы так и не дождёмся конфет на его свадьбу!

— Его единственные свидания — с преступниками. Жертвует своей красотой ради работы, ха-ха!

— Помните ту операцию под прикрытием? Смотреть, как за ним клеились, — я чуть не умер со смеху.

У Хэ Исюня не было ни сил, ни желания разбираться с хохочущими подчинёнными. Гораздо больше его занимал вопрос, откуда подозреваемый узнал все эти детали.

Не было ни единого логичного способа, которым этот тип мог бы узнать про лавандовую свечу в комнате психологической разгрузки, про шампунь и гель для душа, если только он не следил за Хэ Исюнем какое-то время и у него не было осведомителя в участке, который передал бы, что тот перед допросом выпил двойной эспрессо. Но в тот момент, когда Хэ Исюнь его задерживал, его растерянность выглядела слишком настоящей.

Допустим самое параноидальное: всё происходящее было тщательно спланированной постановкой. Ради чего? Чтобы выставить себя неким богом обоняния и ждать, пока к его ногам повалят ученики?

Ни в какие разумные рамки это не укладывалось.

Разве что этот подозреваемый и правда обладал исключительным обонянием. Признать это означало бы, что вся ситуация, как ни странно, становится логичнее. Но способности такого уровня были уже почти сверхъестественными, так что сомнения у Хэ Исюня всё равно оставались.

— И всё же вы хотите сказать, что чувствуете порох за восемьсот метров?

Сюй Пэй выдохнул. Похоже, его маленькое «шоу талантов» всё-таки было не совсем впустую.

Он снова выставил подавитель на более высокую мощность, ослабив запахи до терпимого фона.

— Давайте я представлюсь как следует. Я — Сюй Пэй. Можете звать меня профессор Сюй.